
ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА СТРАНИЦАХ АРМЯНСКОЙ ПЕРИОДИКИ В НАЧАЛЕ 90-ЫХ ГГ. XX ВЕКА

Г А Я Н Е В А Р Д А З А Р Я Н

Историческое время предопределяет судьбу и всего государства в целом и каждого отдельного, даже самого инертного, самого асоциального субъекта. Более того, и каждый в отдельности, и народ и общество в целом, и государство есть продукты своей истории, с одной стороны, и движущие силы самой истории – с другой.

Отражением и истории, и жизни социума в первую очередь являются СМИ – и те, которые оперативно и непосредственно следят ежедневно за происходящими событиями, т.е. параллельно пишут историю, и аналитические, общественно-политические, искусствоведческие и литературные издания. Даже если по каким-либо причинам СМИ умалчивают или фальсифицируют некоторые события, сам факт умалчивания есть отражение атмосферы данного периода времени. СМИ, ежедневно и ежедневно освещая текущие события, сохраняют историю.

В общественно-политических изданиях, разумеется, все проще: ежедневно или еженедельно они реагируют на все более или менее существенные события в общественно-политической, экономической и культурной сферах. Другое дело – научные, научно-публицистические, литературно-художественные и подобные издания, обычно имеющие периодичность не чаще раза в месяц. Особой оперативностью подобные издания не отличаются, но и они, выбором статей и публикуемых произведений однозначно реагируют на пульс времени, как и отражают идеологические, морально-этические, эстетические и прочие мировоззренческие тенденции, характерные для данного исторического периода.

Разобраться в хаосе истории очень сложно. Мнения на один и тот же факт кардинально различаются. Да и сами факты.

Получивший образование в советской школе человек, горячо веривший в достижения Великой Октябрьской и других Великих, заучивающий науку протоколы съездов компартии, носитель идеологии времени вдруг, в конце 1980-ых – начале 1990-ых узнал, что его обманывали. Советские историки, да и вся идеологическая машина Советского государства

умалчивали или фальсифицировали факты. «Но какова же степень помраченности, достигаемая монотонной государственной ложью!»¹, – писал А. Солженицын.

Первая часть 1990-х – время разоблачений.

На страницах периодики начала 90-ых имело место значительное количество статей, бичующих СССР и отмечающих и описывающих изъятия и недостатки советского строя. По мнению автора статьи «100 дней или так сказала... статистика» М. Кюркчян², стерилизация и обработка мозгов людей за 70 лет окончательно уничтожили уважение к достоинству, правам и свободам отдельной личности. Обанкротившееся государство проводило ту идеологическую линию, согласно которой все должно быть принесено в жертву во благо общества и светлого будущего. Как писала Н.Мандельштам, «...Я прожила жизнь в эпоху, когда от каждого из нас требовали, чтобы все, что мы делали, приносило «пользу государству». Я прошу ...никогда не забывать, что в нас, в людях, – самодовлеющая ценность...»³.

Вразрез с внушенным народу незапятнанным образом вождя, совершенно в другом ракурсе был представлен читателю В.И. Ленин. Так, в «Гаруне» № 9 1991 г. в переводе была напечатана «Маленькая Ленинуана» писателя В. Ерофеева, выявившая довольно жестокий образ Вождя мирового пролетариата. Печатались и анекдоты о Вожде, что было бы невообразимо и невозможно всего лишь пару лет назад. Был беспощадно «разоблачен» «тиран», «диктатор» и «параноик» «Отец народов» И.В.Сталин.

На страницах периодики, точнее, литературно-художественных журналов и газет (в частности, в журналах «Гарун», «Норк», газете «Гракан терт»), в начале 90-ых XX в. явно прослеживается тенденция обращения к творчеству пострадавших от Советской власти, запрещенных или мало публикуемых в СССР писателей.

¹ **Солженицын А.** Архипелаг ГУЛag. 1918-1956. Опыт художественного исследования, Т. I, Ч. I, Тюремная промышленность, Глава 6, Та весна; http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_12.html

² Մարինե Բյուրքյան, Հարյուր օր կամ այդպես խոսեց... վիճակագրությունը, «Գարուն» № 3, 1991, էջ 2-5:

³ **Мандельштам Н. Я.** Воспоминания. Мое завещание. Москва, Согласие, 1999; <http://www.2lib.ru/getbook/7302.html>

Оперативно и чувственно отзывались на Время, прошлое и настоящее, периодические издания новоиспеченной третьей республики, публикуя А. Солженицына, прошедшего через ужасы ГУЛАГа, статью ученого Л. Самойлова, побывавшего в лагере, печатались произведения запрещенные, печатались авторы, не знакомые до того советскому читателю, открыто стало говориться о всем негативе, имевшем место и достигшем небывалых размеров в стране Советов. Для перевода выбирались произведения писателей с трагической или драматической судьбой, поломанной и разрушенной Системой, большевистским государством «лжи и насилия». Из русских писателей вниманию читателей в первые годы 90-ых представлялись произведения О. Мандельштама, А.Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака, Д.Хармса, А. Седых, Л. Андреева, С. Довлатова, В. Высоцкого.

Многие выбранные литературные произведения, печатаемые на страницах периодики в то время, срывали завесу с ужасающих тайн прошлого, так или иначе способствуя формированию стойкой ненависти к бывшему режиму и удовлетворенности в связи с приобретением «истинной свободы и демократии».

Большим событием для советского народа был роман А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАг». Хоть он и распространялся с 1960-ых годов в самиздате, для широких масс он стал доступен лишь в 1989 г., когда в журнале «Новый мир» вышли отдельные главы романа. В 1990 году периодически в журнале «Гарун» в переводе на армянский язык Армена Ованисяна печатались отрывки этого произведения.

Роман А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАг» считается выдающимся произведением XX века. Перед глазами читателя проходят жертвы ленинско-сталинского Времени, названного автором «историей нашей канализации». Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАг» выражает свою основную идею – в бедах, выпавших на долю огромного числа людей, виновата Система. Система, которая всячески уничтожала в человеке личность, убивала, крушила, превращая в раба, в ничтожество.

Солженицын прекрасно осознает двойственность человеческого существа, сосуществование в одной и той же личности духовного и инстинктивного, человеческого и животного-жестокоего, и хоть противны ему и сотрудник Органов, проявивший себя «геройски» в жестокости и подлости, и безропотный «кролик», дрожащий от страха в надежде выжить, не

раз обращает внимание читателя на то, что человек проявляется ситуационно, и Время испускает директивы проявления личности, что всеобщее положение, Инструкция предопределяют поведение человека во многом. И от Системы убежать некуда, а изменить нет сил: «И перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они»⁴.

О том же писала и жена репрессированного Системой поэта О.Мандельштама Н. Мандельштам в своих «Воспоминаниях»: «Все мы были овцами, которые дают себя резать, или почтительными помощниками палачей, потому что не хотели переходить в отряд овец. И те и другие проявляли чудеса покорности, убивая в себе все человеческие инстинкты»⁵.

Об этом говорит и М.Восленский в книге «Номенклатура»: «...Ежов был исполнителем... любой сталинский назначенец потенциально являлся таким палачом. Ежов был не исчадием ада, он был исчадием номенклатуры...»⁶

В начале 90-ых неведущему советскому человеку были открыты все тщательно скрываемые Системой тайны нерушимого государства. СМИ изо дня в день публиковали сенсационные материалы. И местные авторитетные журналы, довольно оперативно реагировали на повсеместные разоблачения, помещая на своих страницах переводы произведений и сочинений, достойных внимания в тот неоднозначный и стремительный период разоблачений и крушения государства.

Так, в статье «Этнография лагеря» ученого-археолога Льва Самойлова, опубликованной в переводе, автор рассказал об уголовном мире СССР как об отдельной сильной и жизнеспособной субкультуре, выделил касты уголовщины (воры, мужики и чушки), а также очень серьезное внимание обратил на лексику этого слоя общества, которая присутствовала

⁴ **Солженицын А.** Архипелаг ГУЛаж. 1918-1956. Опыт художественного исследования, Т. I, ч. I, Тюремная промышленность, Глава 4, Голубые канты, http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_14.html

⁵ См.: **Надежда Мандельштам.** Воспоминания, <http://www.2lib.ru/getbook/7302.html>

⁶ **Восленский М. С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза, Москва, "Советская Россия", совместно с МП "Октябрь", 1991; См.: <http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>

езде и имела определенное влияние. В предисловии к перепечатываемой в сокращениях статье редакция «Гаруна» отмечала, что актуальность и важность статьи Самоёлова в том, что данная субкультура определенным и непосредственным образом влияет на все общество в целом, обуславливая уголовные проявления в жизни, например, жаргонизация языка, лагерный этикет в восприятии личности, общинное сосуществование подростков («մի բանը», «մի բանը»⁷), взаимопроникновение уголовных и общественных структур (аккультурация и диффузия, по определению Самоёлова), что имело место и в Армении и было серьезной проблемой, беспокоящей передовую часть общества⁸.

О проникновении лагерной субкультуры повсеместно в жизнь можно судить и по произведению всеми любимого советского актера и автора-исполнителя песен Владимира Высоцкого (1938-1980) «Роман о девочках», отрывок из которого в переводе Аревик Камалян был напечатан в «Гаруне» N 7 1994 г.⁹ В «Романе о девочках» Высоцкий бесхитростно рассказывал об имеющих место в советской действительности негативных явлениях, понимает не афишируемых в официальных, подконтрольных государству средствах массовой коммуникации, сохраняя лексику, отражающую жизнь некоторых слоев и возрастных групп советского общества: «...Вырос Колька во дворе, жил во дворе, во дворе и влюбился... Было ему 25, водились у него деньжата, играл он на гитаре и пел. Жалобные такие, блатные-преблатные, переживательные песни, курил что-то пахучее»¹⁰.

Армянские периодические издания особое внимание уделяли творчеству выдающейся поэтессы Серебряного века Марины Цветаевой (1892-1941), занявшей достойное место рядом с такими мощными поэтами XX века как Маяковский, Блок, Пастернак, Есенин и др. В «Гаруне» N 8 1992 г. были помещены стихи Марины Цветаевой, талантливой женщины с непростой и трагичной судьбой, с предисловием и в переводе поэта Геворка Эмина¹¹. И опять-таки судьбу большого поэта разрушило Время – кровавое и жестокое время крушения старого и появления нового, чуждого,

⁷ «Գարուն», 1991, N 2, էջ 26:

⁸ «Գարուն», 1991, N 2, էջ 26-33:

⁹ Վլադիմիր Վիսոցկի, «Վեպ աղջիկների մասին», թարգմ.՝ Արևիկ Բամալյան, «Գարուն», 1994, N 7, էջ 77-79:

¹⁰ По сайту http://royallib.ru/read/visotskiy_vladimir/roman_o_devochkah.html#O

¹¹ Գևորգ Էմին. Մարինա Յվետանայի մտերիմներին, «Գարուն» 1992, N 8, էջ 24:

непринятого и невоспринимаемого Цветаевой времени, разрушившего жизнь и семью поэтессы и приведшего ее к гибели. Времени, вынудившего поэтессу покинуть ставшую большевистской родину и долгие годы скитаться в эмиграции, испытывая отчужденность, одиночество, глубокую тоску по родине.

На армянский в этот период переводились произведения Осипа Мандельштама (1891-1938), еще одной жертвы Системы.

Н.Я. Мандельштам писала о муже: «...я перечислю в двух словах, что Мандельштам получил от государства Прошлого и Настоящего и чем он ему обязан. Неполный запрет двадцатых и начала тридцатых годов: «не актуально», «нам чуждо», «наш читатель в этом не нуждается»... поиски нищенского заработка... поиски «покровителей», чтобы протолкнуть хоть что-нибудь в печать... В прессе: «бросил стихи», «перешел на переводы», «перепевает сам себя», «лакейская проза»... После 1934 года – полный запрет, даже имя не упоминается в печати вплоть до 1956 года, когда оно возникает с титулом «декадент». Прошло почти тридцать лет после смерти О. М., а книга его все еще «готовится к печати». А биографически – ссылка на вольное поселение в 1934 году – Чердынь и Воронеж, а в 1938 году – арест, лагерь и безымянная могила, вернее, яма, куда его бросили с биркой на ноге. Уничтожение рукописей, отобранных при обысках, разбитые негативы его фотографий, испорченные валики с записями голоса...»¹².

С. Киперман писал: «Осипа Мандельштама уничтожили физически, но не сломали нравственно. Он писал: «За поэзию убивают, значит – ей воздают должный почет и уважение, значит – она власть»¹³.

На страницах армянской периодики первой половины 1990-ых публиковались переводы и из произведений классиков XX в. А.Ахматовой (1889-1966), вдовы и матери «врагов народа», всю жизнь подвергавшейся травле и замалчиванию, и Б.Пастернака (1890-1960).

Геворг Эмин рассказывал, что Чаренц высоко ценил творчество Пастернака, который перевел его «Գնդրիմըր տղան», считал, что пора

¹² Мандельштам Н.Я., Воспоминания. Мое завещание.

¹³ Семен Киперман. Месть кремлевского горца, Еженедельник "Секрет", 02.05.2011, <http://www.jewish.ru/history/press/2011/05/news994295936.php>

уже армянской поэзии стать более сложной и интеллектуальной, симфоничной и синтетичной, как он сам выражался.

Однажды Эмин в беседе с Пастернаком сказал, что ему все же достается меньше славы, чем он достоин, в отличие от Маяковского, на что Пастернак ответил, что доволен, так как если б не был в тени, скорей всего давно разделил бы участь других писателей. По мнению же Эмина, хитрый Сталин не трогал Пастернака, Булгакова, отчасти Эренбурга, чтоб показать Западу, что и у нас тоже демократия, свобода слова. А шолоховский «Тихий Дон», отмечал Эмин, получивший Нобелевскую премию, чем гордился весь советский народ, намного «антисоветское», чем несколько «Докторов Живаго» вместе взятых¹⁴.

Обращались армянские периодические издания и к творчеству еще одного репрессированного и талантливого запрещенного русского писателя Даниила Хармса (1905-1942). Так, в «Гаруне» N 4 1991 г. в переводе Армена Геворгяна напечатаны несколько рассказов из цикла «Случаи», которые в переводе отмечены как «սլուկաւորութիւններ» «Պատահարներ» շարքից». Д.Хармс был арестован в 1941-ом, в 1942-ом умер в тюремной больнице. Имя его было вычеркнуто из советской литературы. В 1956-ом был реабилитирован. В 1960-ые его книги были переизданы¹⁵.

Рассказывая о Хармсе, Евтушенко писал: «Один из главных обзоров, Хармс однажды записал в дневнике свое эстетическое кредо (1937): «Меня интересует только «чушь», только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует только жизнь в своем нелепом проявлении. Геройство, пафос, удадь, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова. Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех». Такой странный коктейль эстетических ценностей при

¹⁴ **Գևորգ Էմին**, «Էիէ-յ, Էմին, ողջոյն ձեզ... (Խառնիխուն գրառումներ Բորիս Պաստերնակի, Եղիշե Չարեմցի, դոկտոր Ժիվագոյի և այլոց մասին)», «Գարուն», 1996, N 5, էջ 81-89:

¹⁵ См.: Русский переплет: Хронос. «Даниил Хармс» (Использованы материалы кн.: Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. Москва, 2000), <http://www.daharms.ru/articles/1471>

незаурядном поэтическом даровании должен был дать весьма интересные результаты – и дал их...»¹⁶.

Вспомним: «Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа также у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить. (7 января 1937 года.)»¹⁷.

Обращались издания и к произведениям писателей, оказавшихся вследствие Октябрьской революции в эмиграции.

Так, о талантливом писателе, представителе Серебряного века русской литературы, родоначальнике русского экспрессионизма Леониде Андрееве (1871-1919) П. Басинский писал: "Не потому ли Андреев и был полузапрещен в советские годы, что он изображал зло и преступление не как нечто вытекающее из определенного социального строя, но как вневременное, постоянное, присущее вообще людям? ...Вслед за Достоевским Андреев пожелал разобраться в глубинах человеческого зла; но, в отличие от Достоевского, он так и не обрел света, не вынырнул на поверхность, так и остался в своем «проклятом» мире...»¹⁸.

В «Гаруне» N 8 1992 г. в переводе Феникса Сардаряна была помещена миниатюра Л.Андреева «Конь в сенате»¹⁹, где автор, используя небезызвестный исторический факт назначения коня сенатором римским императором Калигулой, обращается к извечной теме, теме насилия и подбострастия, теме самодурства меньшинства и раболепия большинства.

Придерживаясь принципа ознакомления читателя с произведениями запрещенных и полузапрещенных в СССР авторов, был переведен и напе-

¹⁶ **Евгений Евтушенко**, «Даниил Хармс (Строфы века)», Источник: Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995, <http://www.daharms.ru/articles/1470/>

¹⁷ «Случай» Д.И.Хармса (1933-1939), См.: <http://www.daharms.ru/like-harms/>

¹⁸ **Басинский П.** http://www.andreef.com/biography_bezdny.htm

¹⁹ «Գարուն», 1992, N 8, էջ 52-58:

чатан в «Гаруне» N 11-12 1993 г. рассказ «В ночном море»²⁰ первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе (1933) И.А. Бунина (1870-1953), эмигранта первой волны, покинувшего большевистскую Россию и переехавшего во Францию. Стоит отметить, что в 1929-1954 гг. произведения Бунина в СССР не издавались. Но с 1955-го года он был наиболее издаваемым в СССР писателем первой волны русской эмиграции, правда, некоторые произведения (например, дневниковая книга «Окаянные дни», проникнутая страстной ненавистью к большевикам) в СССР были напечатаны только с началом перестройки.

В предисловии от редакции журнала «Гарун» к очерку «Шаяпин»²¹ Андрея Седых (1902-1994) отмечалось, что о творчестве талантливого эмигрантского писателя и журналиста А. Седых советский читатель практически ничего не знал, не читал ни одной строчки. Он упорно замалчивался: ни в двухтомнике 1973 г. «Литературное наследие», посвященном Бунину (хотя именно Андрей Седых сопровождал Ивана Бунина в Стокгольм на церемонию вручения ему Нобелевской премии), ни в трехтомнике документов и воспоминаний о Шаяпине о Седых не было даже упомянуто.

В книге «Далекие и близкие» А. Седых писал: «Есть вещи, которые следует опубликовать, ибо советские литературоведы теперь стараются превратить многих выдающихся русских эмигрантов, упорно не желавших вернуться умирать на родину, в «советских патриотов». Закрывать на эти факты глаза, или продолжать их замалчивать дальше, значит не понять до конца горькую судьбу людей, уже далеких, но еще близких нам»²².

Об отношении Шаяпина к Советской родине А.Седых в очерке «Ф.И. Шаяпин» приводил слова великого певца из беседы: «Вот в России теперь почему-то обязательно надо быть коммунистом, а я не коммунист, от политики устал... и люблю я только пение. Да ведь и пением не давали мне заниматься там спокойно всякие «Всерабисы»... В Россию я не вернусь. Довольно. Мне в России «морду горчицей вымазали»... Слышал я, меня там эксплуататором называют. Так ведь не рабочих я эксплуа-

²⁰ **Իվան Բունին**, Գիշերային ծովում, թարգմ.՝ Արևիկ Բանայան, «Գարուն», 1993, N 11-12, էջ 49-51:

²¹ Մոռանալու արվեստը, «Գարուն», 1993, N 4, էջ 79:

²² **Андрей Седых**. Далекие, близкие, Издание «Нового Русского Слова», New York, 1979, стр. 5.

тирую, а свой собственный голос. И шампанское пью, ежели это им не нравится, за свои собственные, заработанные денежки...»²³.

Литературно-художественные и общественно-политические журналы «Гарун» и «Норк» обращались и к творчеству крупнейшего русского писателя и журналиста второй половины XX века, яркого представителя третьей волны русской эмиграции Сергея Довлатова (1941-1990). Этот яркий писатель из-за преследования властей на Родине также оказался на чужбине. В США проза Довлатова получила признание, публиковалась в американских газетах и журналах. В СССР писателя знали по самиздату и авторской передаче на радио «Свобода»²⁴.

По словам Татьяны Скрыбиной, «в своих новеллах Довлатов точно передает стиль жизни и мироощущение поколения 1960-х годов, атмосферу богемных собраний на ленинградских и московских кухнях, абсурд советской действительности, мытарства русских эмигрантов в Америке... Нравственный смысл своих произведений Довлатов видел в восстановлении нормы... «Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда», – писал он в «Заповеднике»²⁵.

События, имевшие место в первые годы существования 3-ей республики, в частности имеет в виду разрушение символики и атрибутики прежнего ненавистного режима – снос памятников вождю мирового пролетариата, да и памятника самому Пролетарию, рьяное переименование улиц и площадей – уже своеобразно предопределялись в периодике. Вообще не секрет, что история повторяется: когда-то христиане свои церкви строили на месте беспощадно преданных огню и мечу языческих храмов, впоследствии – большевики-атеисты без зазрения совести взрывали те самые христианские храмы, в лучшем случае их потребляли под склад или для какой-либо иной пользы, зато повсеместно ставили временами огромные по размерам памятники вождям, вывешивали плакаты и лозунги, выдумывали собственных кумиров (стахановцы, морозовы и пр., и пр.). Как

²³ Там же.

²⁴ По материалам Энциклопедии Кругосвет, Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия, http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/DOVLATOV_SERGE_DONATOVICH.html

²⁵ См.: Татьяна Скрыбина, Энциклопедия Кругосвет, Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия, http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/DOVLATOV_SERGE_DONATOVICH.html

писал, по собственному определению, бывший политзаключенный и политсумасшедший Эдмон Аветян в статье «Памятник товарищу Сталину»²⁶, помещенной в журнале «Гарун» N 11-12 1991 г., бюст Ленина стоял даже в сельской столовой, где кроме пива и прошлогодного пирожного ничего не было.

Подводя итоги, отметим, что в начале 1990-ых XX века, окрыленное идеями демократии общество, получившее доступ к тайнам прошлого, пыталось насладиться плодами свободы, утвердиться в своем решении избавиться от ненавистного режима коммунистов и в то же время оправдать правильность своего выбора. И в этом процессе велика роль СМИ, представляющих весь негатив, все страшное и скрытое в виде публицистических, научных, научно-публицистических статей, а также произведений литературы, избравшихся в этот период, как уже видно из вышеизложенного, в основном по одинаковому признаку – для переводов отбирались произведения пострадавших от Системы, запрещенных и полузапрещенных, неугодных государству талантов.

Насколько свободна была пресловутая свобода, и возможна ли она вообще, насколько все происходило самопроизвольно, или же были заинтересованность и давление со стороны третьих сил – рассудит время, насколько было целесообразно рушить государство, и к каким последствиям это привело – вопрос Будущего.

Но, независимо от мотиваций, сам факт обращения к творчеству талантливых, ярких мастеров слова, сам факт привнесения в национальную культуру путем перевода блестящих литературных произведений, которые заслужили и имеют право считаться классикой и стали вневременными составляющими культуры, – есть очередной процесс обогащения национального за счет импортирования и адаптации у себя стоящего внимания чужого, тем более, что «чужесть» в данном случае, исходя из подбора произведений русских авторов, лишь в языке изложения, а судьба народов, населявших могучую державу, одинаковая. Более того, отметим, что наряду с довольно посредственными переводами (в частности, это касается поэзии), есть и довольно удавшиеся (как, например, переводы А.Ованнисяна).

²⁶ **Էդմոն Ավետյան**, Հուշարձան ընկեր Ստալինին, «Գարուն», 1991, N 11-12, էջ 17:

Не забудем еще и еще раз констатировать непреложную и непреходящую истину: все великие произведения искусства ценны в первую очередь тем, что, желал того автор или нет, преследовал подобную цель или нет, его произведение становится общечеловеческим достоянием, что в очередной раз доказывает, что человек, независимо от цвета кожи, географического места проживания и исторического времени, отпущенного ему, сделан одинаково, с похожими стремлениями и идеалами, с практически одинаковыми системами высших ценностей, с тождественным пониманием Добра и Зла, Прекрасного и Безобразного, правда, где-то больше, где-то меньше окрашенными в краски национальных, государственных, общественных традиций и индивидуальных особенностей.

РЕЗЮМЕ

В начале 90-ых годов XX в., в период стремительного крушения СССР, СМИ изо дня в день публиковали сенсационные материалы, бичующие государство «лжи и насилия». Обращаясь к русской литературе, для переводов на армянский язык отбирались произведения пострадавших от Советской власти, запрещенных и полузапрещенных писателей. На страницах армянских авторитетных литературно-художественных журналов и газет печатались произведения А.Солженицына, О.Мандельштама, А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Пастернака, Д.Хармса, С.Довлатова и др.

Ключевые слова - отражение и сохранение истории как функция СМИ, идеология времени, тайны прошлого, время разоблачений, номенклатура, уголовный мир – субкультура СССР, русские писатели-жертвы Системы, писатели-эмигранты, переводы, насилие и покорность, тенденции отбора произведений русских писателей.

XX դարի 90-ական թվականների սկզբին Ռուս գրողների
ստեղծագործություններին ԱՆԴՐԱԴԱՌՆԱԼՈՒ
ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՅԱՆ ՊԱՐԲԵՐԱԿԱՆՆԵՐԻ ԷՋԵՐՈՒՄ

ԳԱՅԱՆԵ ՎԱՐԴԱԶԱՐՅԱՆ

XX դարի 90-ական թվականների սկզբին՝ ԽՍՀՄ կործանման սրընթաց ժամանակաշրջանում, ՀԼՄ-ները օրեցօր հրապարակում էին «ստի և բռնության» պետությունը խարազանող սենսացիոն նյութեր: Անդրադառնալով ռուս

գրականությանը՝ թարգմանության համար ընտրվում էին սովետական իշխանությունից տուժած, արգելված կամ կիսաարգելված գրողների ստեղծագործությունները: Հայաստանյան հեղինակավոր գրական-գեղարվեստական ամսագրերի և թերթերի էջերում տպագրվում էին Ա.Սոլժենիցինի, Օ.Մանդելշտամի, Ա.Ախմատովայի, Մ.Յվետսկայի, Բ.Պաստերնակի, Դ.Խարմսի, Ա.Դոլլաթովի և այլոց ստեղծագործությունները:

Քանալի բառեր - պատմության արտացոլումն ու պահպանումը որպես ՋԼՄ-ների գործառույթ, ժամանակի գաղափարախոսությունը, անցյալի գաղտնիքները, քողազերծման ժամանակաշրջան, նոմենկլատուրա, քրեական աշխարհ՝ ԽՍՀՄ ենթամշակույթ, համակարգի զոհ ռուս գրողները, տարագիր գրողներ, թարգմանություններ, բռնություն և հնազանդություն, ռուս գրողների ստեղծագործությունների ընտրության միտումները:

THE TENDENCIES OF ARMENIAN PERIODICALS AT THE BEGINNING OF 90S OF 20TH CENTURY

GAYANE VARDAZARYAN

At the beginning of the 90s of the 20th century, during the reckless disintegration of the USSR, the press day after day was publishing sensational and scandalous materials, castigating the government of “lies and violence”.

As far as Russian literature is concerned, literary works by writers who had suffered from Soviet totalitarianism and whose works were completely or partially banned were translated and published into Armenian. Major and prestigious literary magazines and papers published works of A.Solzhenitsyn, O.Mandelstam, A.Akhmatova, M.Tsvetaeva, B.Pasternak, D.Kharms, S.Dovlatov, and others.

Key words – the reflection and preservation of history as a function of mass media, the ideology of time, the mysteries of the past, the era of exposure, the criminal world, the USSR subculture, Russian writers-victims of the Soviet regime, emigrant writers, translations, violence and submission, tendencies in selecting works by Russian writers.